

ВЛАСТЬ И ЕЕ ОКРЕСТНОСТИ

Напряженный интеллектуальный процесс концептуализации и ее последующего уточнения в XX веке не раз становился объектом иронии (достаточно вспомнить знаменитые «наука всегда оказывается не права, она не в состоянии решить ни одного вопроса, не поставив при этом десятка новых» Б. Шоу, «когда науке недостаёт аргументов, она расширяет свой словарь» Ж. Деваля и «прогресс состоит не в замене неверной теории на верную, а в замене одной неверной теории на другую неверную, но уточненную» С. Хокинга¹), – впрочем, как это и подобает иронии, с особой яркостью высвечивая сущность каждого следующего этапа концептуализации.

В известном смысле и сам контент нового номера журнала «Пространство и Время» может считаться концептуализацией «топологического пространства» человеческого бытия – если понимать под таковой связность и непрерывность («единство») образующих его пространства человеческого знания и пространства социальных действий, взаимодействий и отношений (и соответствующих социальных полей). Исходя именно из такого понимания, автор этих строк ранее высказывался в пользу возможности (и необходимости) рассматривать мульти- и трансдисциплинарность как когнитивные формы (вос)производства социального времени и социального пространства² – с присущей последнему иерархией позиций, а, следовательно, и отношениями доминирования. Однако, как представляется, очередной концептуализации требует и знаменитое бэконовское «knowledge is power», со всей своей многозначностью (поскольку английское power – это и влияние, и сила, и умственная способность, и мощь, и держава; и власть – в том числе и государственная власть, и достоинство) на четыре столетия определившее одно из важнейших свойств социальных (политических и геополитических) центров и периферий³.

Так, с одной стороны, едва ли сегодня найдется желающий опровергнуть тезис о востребованности междисциплинарного подхода (предполагающего знание как законов «первой природы», так и закономерностей «второй природы») при выборе стратегии управления территориями и геополитическими практик – ведь именно такая непрерывность когнитивного и социального пространств обеспечивает связь между главнейшими ресурсами любой власти – ресурсами территориальными, человеческими и информационными. В рамках представлений о такой непрерывности формируются сегодня взгляды на пространственно-временную организацию и геологических структур как условия жизни на планете Земля («Глубинное строение литосферы под действующими вулканами Курильских островов и очаги землетрясений» доктора геолого-минералогических наук Т.К. Злобина, кандидата физико-математических наук А.Ю. Полец и О.В. Пеньковой), и различных элементов жизни, будь то клетка («Возникновение и эволюция жизни с позиции хронобиологии» доктора биологических наук С.Л. Загускина) или организм – биологический («Неизвестная» ДНК эукариот, или Что делает человека человеком» доктора биологических наук Н.Н. Мушкабарова), социальный и цивилизационный («Генезис социально-властных институтов в России в допетровскую эпоху» доктора юридических наук К.Е. Сигалова, «Византийская цивилизация и христианская правовая традиция в современном политико-правовом контексте (к 1700-летию Миланского эдикта). Часть 1. Христианство и современная правовая мысль» кандидата юридических наук В.И. Павлова).

В рамках такого понимания связности и непрерывности когнитивного и социального пространств разделенные баденской школой неокантианства ценности и истины превращаются из принадлежащих «непересекающимся множествам» гуманитарных и естественнонаучных дисциплин во взаимодополняющие и взаимно необходимые элементы познания мира, осознания себя его частью и адаптации в нем. И вот уже живописное полотно приобретает не только эстетическую ценность, но и равную ей значимость наглядного (в буквальном смысле слова) пособия при диагностике – и собственно медицинской, и социально-исторической («Медицина и изобразительное искусство» кандидатом медицинских наук Ю.И. Строева и Л.П. Чурилова и кандидата искусствоведения А.А. Шмелева), применение рядов Фибоначчи позволяет выявить культурно-историческую динамику («Пространство и время в археологии. Часть 4. Доминанты деятельности субъектов в структуре археологических субэпох» доктора технических наук С.Н. Гринченко и доктора исторических наук Ю.Л. Щаповой), а кажущаяся рафинированно теоретической проблема квантовой физики («Открытие стоячих экситонов большого радиуса и классификация мерцающих кристаллов. Часть 1. Общая постановка задачи о самоорганизации полых квантовых резонаторов в легированных кристаллах» доктора физико-математических наук Ф.И. Высикайло) приобретает сугубо социальные смыслы в условиях энергетических, экологических и связанных с ними социально-политических коллизий. Да и в целом по мере развития технической и энерговооруженности общества сопряженные с этим развитием риски закономерно становятся объектом политологических и политико-правовых исследований («Международное право и атомная энергия» докторов юридических наук А.И. Иойрыша и А.А. Фатьянова, «Перспективы военной ядерной программы Украины: проблема отработанного ядерного топлива украинских АЭС» доктора политических наук О.Н. Барабанова). В свою очередь и считающиеся лишенными ценностной составляющей истины естественных наук обретают такую – гуманитарную и собственно гуманистическую – ценность и в современной

¹ Цит. по: Афоризмы. Высказывания. Цитаты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://icite.ru/citaty/pro/nauka#.VD63hXLYdYc>; Афоризмы Жака Деваля [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://пишем.рф/author/Jacques_Deval/.

² Тынянова О.Н. Социальное пространство как машина времени: опыт трансдисциплинарного перехода // Пространство и Время. 2014. № 1(15). С. 10.

³ Не будет большим преувеличением считать использование индексов развития человеческого капитала и человеческого потенциала в качестве характеристик рейтинга (мощи и статуса) государства современной формой бэконовской идеи.

экологии и метеорология становятся основанием оценки обоснованности политических решений («Современный геодинамический режим Арктической окраинно-континентальной зоны» доктора технических наук И.М. Мазурина, кандидата физико-математических наук А.Ф. Королёва, Е.Ф. Уткина и Р.Л. Герасимова, «Бесполезность Монреальского протокола для сохранения озонового слоя планеты» доктора геолого-минералогических наук В.Л. Сывороткина и его же «Озоновый слой и погодные аномалии лета 2014 г. в России: жара в Архангельске и снегопад в Твери, аномальный холод в Челябинске и рекорды жары в Сибири и Калмыкии»).

С другой стороны, на характер информационного ресурса как особого ресурса власти¹ существенным образом влияет то, что под информацией в данном случае понимаются «не любые сообщения, передаваемые в системе связи, а лишь те, которые уменьшают неопределенность у получателя информации [разрядка моя – О.Т.]»² – а в ряде случаев лишь те, которые уменьшают именно и только когнитивный диссонанс (по Л. Фестингеру). Это оказывается весьма существенным, когда получателем информации выступает социум как объект управления – как (особенно) в периоды войн и вооруженных конфликтов, так и в мирное время, озnamенованное, однако, социально-политической напряженностью, поскольку уровень когнитивного диссонанса в обществе (и в мировом сообществе) в значительной мере влияет и на связность и непрерывность социального пространства (и всех его социальных полей), и на его «проницаемость» для власти³ и уровень мобилизации, а, следовательно, и на направленность и характер (гео)политических процессов в нем («Журнал “Морской сборник” как источник по истории обороны Севастополя: к 160-летию со дня начала блокады города англо-французскими войсками» Н.З. Лепсевиц, три работы Ф. Энгельса – «Военные силы России», «Осада Севастополя» и «Кампания в Крыму» – и комментариев к ним кандидата исторических наук А.А. Смирнова «Военный эксперт середины XIX столетия», «Причины Первой мировой войны: “монарший рэн” от Би-Би-Си» кандидата исторических наук Д.В. Суржика и его же «В смертельном пике информационной войны» в соавторстве с А.В. Токаренко, «Социальные медиа и организация флэшмобов: некоторые примеры формирования общественного и политического участия» Д.И. Каминченко). Не менее существенным становится удовлетворение потребности в уменьшении когнитивного диссонанса и тогда, когда получателем информации является субъект принятия политического решения того или иного (гео)политического центра, что многократно увеличивает риск превращения как открытой, так и закрытой информации в «социальные аналгетики» («Все ли войны кончатся миром?» доктора философских наук В.Н. Расторгуева), стимулирующие различные формы политического и правового отчуждения («Политика “двойных стандартов” и принцип неотвратимости наказания за совершение актов терроризма» кандидата юридических наук М.М. Алексеевой), что, в конечном итоге, снижает «проницаемость» социального пространства для власти и, тем самым, доминирование данного геополитического центра на подконтрольном ему пространстве.

Заметим здесь, что, говоря о топологии власти (политической и геополитической топологии), т.е. связности и непрерывности социального пространства в целом и поля власти в частности, мы тем самым обращаемся к феномену относительно недавнего происхождения, оформившемуся в Новое время. Так, Кант, чей трактат «К вечному миру» стал откликом не только на потрясения Великой Французской революции, но и на значительно более ранние события Семилетней войны – на два масштабных геополитических явления, впервые затронувшие не только Европейский континент, – едва ли не первым осознал глобальность политики и взаимосвязь внутри- и внешнеполитической сфер, когда внутривнутриполитические коллизии в одном государстве не только создают для него проблемы на международной арене, но и порождают внутренние проблемы в других государствах. В свою очередь и концепция Клаузевица, при всей ее видимой диаметральной противоположности кантовской модели мира, есть та же топология власти, несущая на себе печать Нового времени («“Вечный мир” или “вечная война”»? (И. Кант versus К. Клаузевиц)» доктора философских наук А.М. Орехова). Сегодня геополитическая (и геоэкономическая) топология проявляется не только на уровне мирсистемы, но и управленческом административно-территориальном уровне («Развитие российских регионов: экономико-демографический анализ параметров России и мира» доктор физико-математических наук А.М. Тарко).

И здесь возникает как минимум два вопроса: что определяет границы пространства доминирования (гео)политического центра и – коль скоро речь идет о «проницаемости» социального пространства для власти – какова топология доминирования. Иными словами, говоря о власти как о социальной позиции, как (качественно) определить ту глубину социального / геополитического пространства, которую в рамках теории динамического социального пространства А.Б. Докторовича⁴ можно было бы считать окрестностью власти как совокупности социальных полей, взаимодействие которых обеспечивает возможность установления, сохранения и расширения отношений доминирования?

Обратившись, как и ранее⁵, к полезной аналогии с теорией множеств⁶ и полагая любой (гео)политический центр

¹ См. подробнее: Тынянова О.Н. Концепция организованного геополитического пространства: инфраструктурная организация приграничных ТВД в постклассическую эпоху // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2013. Т. 3. Вып. 1: Пространство и время границ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-almanac.space-time.ru/assets/files/Tom%203%20Vip%201/rubr8-tehnika-tehnologii-nfrastruktura-st2-tynyanovaon-2013.pdf>

² Демин А.И. Парадигма дуализма: Пространство – время, информация – энергия. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 24.

³ Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. М.: Речь, 2000.

⁴ Докторович А.Б. Социальные взаимодействия и отношения как фактор развития социального потенциала // Труд и социальные отношения. 2008. № 9 (5) С. 4–13.

⁵ Тынянова О.Н. Концепция организованного геополитического пространства...

⁶ В рамках которой если $\varepsilon > 0$ есть произвольное сколь угодно малое фиксированное число, то окрестностью точки x_0 на числовой прямой (« ε -окрестностью») называется множество точек, удаленных от x_0 менее чем на ε . Точка x_0 множества M называется граничной точкой этого множества, если для любой ε -окрестности этой точки x_0 существуют точки, принадлежащие множеству M , и точки, не принадлежащие множеству M . (См.: Фихтенгольц Г.М. Основы математического анализа. Т. 1. М.: Наука: 1968; Бурбаки Н. Основания математики. Логика. Теория множеств // Очерки по истории математики. М.: Изд-во иностр. литературы, 1963).

сложной системой, характеризующейся набором свойств и могущей тем самым рассматриваться в качестве аналога точки в фазовом пространстве¹, определим (гео)политическую окрестность как такую совокупность названных полей и позиций, в пределах которых – в том числе и территориальных – интенсивность социальных действий² и взаимодействий, обеспечивающих отношения доминирования конкретного актора, сколь угодно мала (но все же не становится нулевой). Эта сколь угодно малая (и, возможно, убывающая) интенсивность социальных действий и взаимодействий и составляет существенное отличие (гео)политической окрестности и от периферии (в том числе и пограничной) – совокупности социальных полей, взаимодействие которых маркирует легитимизированный территориальный предел (границу) возможности того или иного актора устанавливать над территориями и элементами их организации прямую / непосредственную власть (осуществлять управление территориями), и от лимитрофа. Последний, будучи с точки зрения отношений доминирования конкурирующих центров своего рода «областью пересечения геополитических множеств», в зависимости от мощи акторов, стремящихся к установлению контроля над ним, в результате геополитической конкуренции может превращаться то в периферию, то в окрестность.

При этом, заметим, что при всем различии моделей установления и воспроизводства доминирования (упомянутая статья А.М. Орехова) и даже – при всем их видимом различии – логико-культурных доминант («Сорина Г.В. Методология логико-культурной доминанты: психологизм, антипсихологизм, субъект» доктора философских наук В.Г. Федотовой), а также доминант эволюционных (указанная статья С.Н. Гринченко и Ю.Л. Щаповой) интенсивность обеспечивающих отношения доминирования социальных действий и взаимодействий в символическом пространстве (семантических полях) даже в случае (гео)политической окрестности остается максимальным, поскольку именно в семантических полях происходит сакрализация и десакрализация власти и в целом онтологизация и деонтологизация человеческого бытия (упомянутая статья К.Е. Сигалова, «Маргинальное Отечество. Заметки на полях геополитического процесса» доктора политических наук Н.А. Колмевой) – что не в последнюю очередь обуславливает остроту геополитического и цивилизационного напряжения. Таким образом, и границы пространства доминирования определяются именно в семантических полях, и трагическое подтверждение тому мы ежедневно получаем как с Донбасса – периферии Русского Мира и окрестности российской геополитики (упомянутая статья А.В. Токаренко и Д.В. Суржика), так и из Евросоюза – геополитической периферии Рах Америка-па (упомянутая статья М.М. Алексеевой).

В то же время именно символическое и, шире, культурное пространство столь же наглядно, сколь и пространство власти, демонстрирует единство (связность и непрерывность, являющиеся, по существу, главным атрибутом глобального мира) образующих его структур – центров, периферий, полу-периферий (по И. Валлерстайну) и окрестностей (совокупность которых и составляет современный глокальный мир³) («Трехмерная модель типологии культурного пространства» доктора философских наук М.Я. Сарафа, «Экзистенциализм во Вьетнаме: некоторые аспекты распространения и изучения» кандидата философских наук Ле Тхи Туэт, «Расцвет аргументов ньяи в пользу бытия Бога (по “Ньяя-кусуманджали” Удаяны)» кандидата философских наук Е.Н. Анисеевой, «К интерпретации проблемы хаджа в ракурсе священных источников ислама» кандидата исторических наук В.П. Литвинова).

В известном смысле можно, по-видимому, говорить даже о том, что связность и непрерывность в случае глобального культурного и геополитического пространств сегодня оказывается существенно выше, нежели в случае локального (внутригосударственного) политического пространства. Казалось бы, с увеличением технологического могущества государства и (технически) обусловленной этим могуществом глубины проницаемости для отношений доминирования и социального и географического пространств поле ответственности власти должно увеличиваться, прежде всего, в тех двух сферах, развитие которых обеспечивает сохранение государства как такового – в области государственного управления территориями («Из истории государственного строительства в Крыму: Таврическая губерния в свои первые десятилетия» А.С. Кравчука), и в области народосбережения, в том числе и перед лицом природных и техногенных катаклизмов (упомянутые статьи Т.К. Злобина с соавт., О.Н. Барабанова, В.Л. Сывороткина, И.М. Мазурина с соавт.). Однако именно в этих двух сферах ответственность все чаще оказывается окрестностью власти (упомянутые статьи В.Н. Расторгуева и А.М. Тарко, «Социальный стресс и психологическое состояние населения России. Часть 2.1. Россия на рубеже XX и XXI вв.: суициды как основной индикатор и последствие социально-психологического кризиса общества» доктора биологических наук А.С. Штемберга). Более того, в окрестность власти превращается когнитивное пространство, а с ним и поля образования и науки (упомянутые статьи В.Л. Сывороткина и И.М. Мазурина с соавт.) – хотя именно в этих полях в наибольшей мере обеспечивается не только спатальная, но и темпоральная связность и непрерывность пространства власти («Предпосылки и условия сближения образовательных систем стран постсоветского пространства в современных реалиях» доктора педагогических наук В.А. Ермоленко, «Рыбин В.А. Идея университета XXI века: опыт исследования» кандидата философских наук Р.И. Зекрист, «Методика обучения информационной безопасности старшеклассников: о содержании обучения информационной безопасности в школьном курсе информатики» кандидата педагогических наук М.И. Бочарова и доктора педагогических наук И.В. Симоновой). В предельном же случае окрестностью власти становится собственно общество (что, в частности, для России было блистательно описано Н.А. Бердяевым⁴).

В этом смысле междисциплинарность – мультидисциплинарность – есть не просто исследовательский проект особой эвристической и праксеологической значимости, плодотворный подход к исследованию сложных систем⁵

¹ Фазовое пространство – пространство, элементами которого являются фазовые точки; фазовая точка – совокупность значений параметров, определяющих состояние системы.

² Докторович А.Б. Основы теории моделирования социальных взаимодействий, отношений и полей // Пространство и Время. 2010. № 2. С. 59.

³ См.: Чумаков А.Н. О глобализации с объективной точки зрения // Век глобализации. 2014. № 2. С. 39–51.

⁴ Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Сов. писатель, 1990.

⁵ Так, в частности, «...профилактика терроризма является новым и очень сложным, многоплановым объектом междисциплинарных научных исследований. Понять природу, механизм функционирования этого объекта возможно только с привлечением

– сегодня это один из ключевых способов сохранения и воспроизводства (гео)политического центра и его доминирования в полях социального пространства, препятствующий превращению данного центра в геополитическую окраину конкурирующего актора. Однако высказанный выше тезис – о том, что «едва ли сегодня найдется желающий опровергнуть тезис о востребованности междисциплинарного подхода (предполагающего знание как законов «первой природы», так и закономерностей «второй природы») при выборе стратегии управления территориями и геополитических практик», – может быть справедливо оспорен читателем. Так, судя по Приказу Минобрнауки России от 25.07.2014 № 793¹, данное министерство целенаправленно уничтожает самую идею мультидисциплинарности, чем не просто способствует снижению связности и непрерывности и когнитивного, и социального пространства (порождая, с одной стороны, философов, экономистов и политологов, невежественных в вопросах природы и фундаментальных свойств значительной части изучаемых ими объектов и потому не способных к выработке адекватных управленческих стратегий, с другой стороны, представителей естественных наук, столь же невежественных в вопросах гуманитарных, в том числе связанных с методологией научного поиска). В то время, как то самое западное научное сообщество, на которое безальтернативно переориентирует отечественных ученых Минобрнауки РФ, успешно осваивает междисциплинарность и мультидисциплинарность², сам Минобрнауки и его подразделения создают благоприятные условия для превращения полей образования и науки России – а, по сути, и поля власти – в периферию западных геополитических и геокультурных центров, во внутривластной сфере способствуя максимально продолжительному сохранению в качестве политической окрестности как полей образования и науки, так и собственно ответственности власти.

Можно было бы возразить сакраментальным «национальной науки не бывает», однако граница полей образования и науки – это все та же символическая граница, изменение которой, как и в случае любой другой границы, есть следствие изменения пространства доминирования в целом и суверенитета в частности. Поскольку же, как отмечалось выше, именно в символическом пространстве маркировка социальных позиций и территорий теснейшим образом связана с идентичностью и онтологическим статусом в категориях «свой – чужой». В условиях же эскалации геополитической и цивилизационной напряженности, когда в прочих полях социального пространства усилия центральной власти направлены на укрепление символических границ, разрушение социальных статусов в полях образования и науки (и самих этих полей) и «выталкивание» представителей интеллектуальной элиты страны на чуждую символическую периферию ведет отнюдь не к межкультурному диалогу, а к такому когнитивному диссонансу, который может оказаться небезопасен уже для политического класса.

Однако в рамках контента нового номера журнала «Пространство и Время» данная коллизия – в силу именно междисциплинарного и мультидисциплинарного подхода – разрешается не в поле политики, а в когнитивном пространстве и как вопрос метафизический – о природе человека как одновременно источника и объекта отношений доминирования. И внимательный читатель обнаружит на страницах нового номера как минимум четыре ответа на вопрос о том, что делает человека – ответ молекулярно-генетический (особенности генома, *упомянутая статья Н.Н. Мушкамбаров*), историко-кибернетический (язык/речь, *упомянутая статья С.Н. Гринченко и Ю.Л. Шаповой*), психологический (движения души и психические процессы, «*Психические процессы в пространстве психики человека*» кандидата психологических наук *Е.Н. Кулешовой*) и метафизический (совесть, «*Фил и Соф: диалоги о вечном и преходящем. О метафизике и морали: антикантианские рассуждения*» докторов философских наук *С.Н. Нижникова и А.А. Лагунова*).

За исключением первого – молекулярно-биологического – ответа, все прочие являются одновременно и ответами на вопрос о том, что есть власть, ее ядро, периферия и окрестность – и даже ее динамика, ибо, как справедливо утверждал К.А. Гельвеций, «в каждой стране искусство формировать людей так тесно связано с формой правления, что какое-либо значительное изменение в общественном воспитании вряд ли возможно без изменений в самом государственном строе»³.

О.Н. Тынянова, главный редактор

Цитирование по ГОСТ: Р 7.0.11—2011:

Тынянова, О. Н. Власть и ее окрестности / О.Н. Тынянова // Пространство и Время. — 2014. — № 3(17). — С. 10—13. Стационарный сетевой адрес: 2226-7271provst3-17.2014.01

понятийно-концептуального аппарата и инструментария разных гуманитарных и естественных наук – философии, социологии, психологии, права, политологии, биологии, фундаментальной медицины, вычислительной математики и др.» (Садовничий В.А. Основные направления и приоритетные проблемы научных исследований в области профилактики терроризма // Материалы Четвертой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. 30–31 октября 2008 г. Т. 1. М.: МЦНМО, 2009. С. 27–28).

¹ Приказ Минобрнауки России от 25.07.2014 № 793 «Об утверждении правил формирования в уведомительном порядке перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук и требований к рецензируемым научным изданиям для включения в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» // Российская газета. 2014. 8 октября. № 229.

² См., напр.: Schunn C.D., Crowley K., Okada T. "The Growth of Multidisciplinarity in the Cognitive Science Society." *Cognitive Science* 22.1 (1998): 107–130; Youngblood D. "Multidisciplinarity, Interdisciplinarity, and Bridging Disciplines: A Matter of Process." *Journal of Research Practice* 3.2 (2007): Article-M184; Choi B.C., Pak A.W. "Multidisciplinarity, Interdisciplinarity, and Transdisciplinarity in Health Research, Services, Education and Policy: 2. Promoters, Barriers, and Strategies of Enhancement." *Clinical & Investigative Medicine* 30.6 (2007): E224–E232; Alvaronzález D. "Multidisciplinarity, Interdisciplinarity, Transdisciplinarity, and the Sciences." *International Studies in the Philosophy of Science* 25.4 (2011): 387–403; Brindha N., Palanivelu P., Johnsi S. "Environmental and Social Forces in Multidisciplinary Research." *Journal of Contemporary Research in Management* 3.4 (2012): 135–143; Thorén H., Persson J. "The Philosophy of Interdisciplinarity: Sustainability Science and Problem-Feeding." *Journal for General Philosophy of Science* 44.2 (2013): 337–355.

³ Клод Адриан Гельвеций: афоризмы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tululu.org/aforizmy/author/146/>